

"Ганиеле" Гауптмана и "Притчи" Л. Н. Толстого.

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Миръ Божій", Спб., 1908

OCR Бычков М. Н.

"Фантастическія сцены" Гауптмана, постановкой которыхъ публика обязана "Литературно-артистическому кружку", произвели давно уже не бывалый эффектъ и въ печати, и въ обществѣ. Явились, какъ водится, страстные поклонники и не менѣе ожесточенные враги, одни ничего не видѣли, кромѣ выдающихся достоинствъ, другіе, напротивъ, -- указывали только недостатки. Общій отзывъ, однако, въ пользу "Ганнеле", и большинство публики признало ее пьесой интересной и трогательной, хотя для многихъ и непонятной.

Между тѣмъ, "Ганнеле" -- крайне незамысловатая вещь, можно сказать, примитивная по мотиву и очень простая по обработкѣ, какъ и все истинно прекрасное. Тема ея далеко не нова, и можно указать много высоко художественныхъ произведеній, одинаковыхъ съ ней по содержанію. Ее сравниваютъ съ прелестнымъ и трогательнымъ рассказомъ Достоевскаго "Мальчикъ у Христа на елкѣ", и съ полнымъ правомъ можно отнести ее къ циклу такъ называемыхъ „рождественскихъ рассказовъ", въ которыхъ фигурируютъ обыкновенно бѣдныя дѣти, погибающія при самой трогательной обстановкѣ. Лучшіе изъ этихъ рассказовъ принадлежатъ Диккенсу и Андерсену.

Дѣло не въ темѣ "Ганнеле", а въ ея обработкѣ, новой, оригинальной и несравненно болѣе глубокой, чѣмъ у Достоевскаго и у другихъ писателей.

На сценѣ умираетъ дѣвочка, преждевременно истерзанная жизнью, ничего ей не давшей, кромѣ мученій голода, холода, нищеты, -- и смутныхъ, неясныхъ, туманныхъ и поэтическихъ представлений, что жизнь могла бы быть и иной. Только эта иная жизнь такъ далека отъ дѣйствительной, выпавшей на долю Ганнеле, что здѣсь, на землѣ, она и представить ее не можетъ. Такая жизнь ей представляется только на небѣ, куда и стремится ея душа съ страстнымъ желаніемъ уйти поскорѣе отсюда, гдѣ она ничего ни видѣла хорошаго. "Не тебя, -- поютъ ей духи, -- ласкало солнце, не для тебя росла трава въ долинѣ; ты никогда не была сыта; никогда не дышала чистымъ воздухомъ, не знала, что такое ароматъ цвѣтовъ". Чуткая, нервная и экзальтированная дѣвочка, доведенная истощеніемъ до галлюцинацій, бросается въ воду. Въ блаженномъ восторгѣ своихъ видѣній она не хочетъ возвращаться назадъ, къ прежней жизни, ужасается при воспоминаніи о своемъ вотчимѣ, который будетъ ее снова мучить, объ окружающіхъ, которые ее дразнили "незаконнорожденной принцессой въ лохмотьяхъ", и думаетъ съ теплой благодарностью только объ учителѣ, отъ котораго одного она слышала слова любви и утѣшенія, "такіе прекрасные, чудесные гимны". Въ смерти она не видитъ ничего страшнаго, ее пугаетъ только ея безмолвье да холодъ могилы. За то похороны ей представляются моментомъ ея торжества, когда всѣ поймутъ и признаютъ, какая она, Ганнеле, прекрасная, милая дѣвушка, "съ самой маленькой ножкой", и всѣ будутъ жалѣть о ней, а ея вотчима всѣ осудятъ, и онъ съ горя повѣсится. Душа ея улетитъ въ рай, о которомъ ей говорила мать, и ее тамъ встрѣтитъ любимый учитель г. Готтвальдъ ("Генрихомъ зовутъ его. Хорошее имя -- Генрихъ, правда?"). -- Она умираетъ, радостная, довольная, примиренная, безъ борьбы и сожалѣній.

Здѣсь нѣтъ никакой драмы, -- драма разыгрывается не на сценѣ, а въ зрительномъ залѣ, въ сердцахъ зрителей, которые, съ начала и до конца, мучительно сознаютъ неизбѣжность этой смерти и свое безсиліе измѣнить жизнь такъ, чтобы и Ганнеле перестала мечтать о смерти, какъ о единственномъ и хорошемъ исходѣ для нея.

Поднимается занавѣсъ, предъ нами пріютъ для нищихъ, погибшихъ женщинъ и жалкихъ бродягъ. Они заняты своими ничтожными дѣлишками, ссорятся и мирятся, словомъ, живутъ, какъ могутъ жить отребья челоѣчества. Вносятъ умирающую Ганнеле, и предъ нами возникаетъ вопросъ, если бы она не бросилась въ воду, что ее ожидало бы тогда? И тутъ же готовый отвѣтъ; то же, что случилось съ ея матерью, что было съ обитательницами пріюта, старухой Тульпе и тридцатилѣтней дѣвушкой Гетой, у которой "на лицѣ печать распутства". Зритель сразу видитъ, что для такихъ, какъ Ганнеле, нѣтъ выбора.